

ЖИЗНЬ - ПЕСНЯ

К 70-летию М. В. Исаковского

Есть поэты, имена которых известны всем, а стихи почти никому. Есть среди них и небезызвестные, но они заботятся об известности больше, чем о стихах, слово это читателю важнее. За очень редким исключением, настоящая поэзия раньше входит в сознание читателей, чем имя ее автора. Я уже не говорю о песне. Мало ли таких песен, авторов которых не знают даже основательно начитанные люди, даже сами литераторы. «Глухой неведомой тайгой», скажем, или «Среди долины ровныя», или «Как на черный ерик». Да мало ли?...

К таким выразителям людской, человеческой задушевности, близкой любому, принадлежит поэт Михаил Васильевич Исаковский, которому исполнилось семьдесят лет. Есть, наверное, люди, которым незнакомо его имя. Но запой его песню — они тут же подхватят ее и поправят тебя, если ты вставишь где не то, не его слово. Совсем вроде бы и неприязнительное, оно, это слово, тем не менее одно, единственное, наиболее точно выражающее то, о чем поется в песне. Зависть бывает, конечно, разная. Чаше, может, недобрая. Но вот мы поем:

Желанья свои и надежды
связал я навеки с тобой, —
с твоею суровой и ясной,
с твоею завидной судьбой.

Право же, завидуешь такой зависти. Хорошая зависть! Зависть доброго, благородного человека. И это чувствует поющий — и уж тут попробуй заменить это обычное, никаким другим не заменимое слово — ничего не получится. Такова особенность лучшего нашего советского песенника.

И хочется еще раз вслушаться сердцем в его песни. И когда хорошо и светло, и настрой приподнятый, возвышенный: «Еще не вся черемуха к тебе в окошко брошена». И когда так, что не только твоя судьба решается на кровавом поле, и даже не только судьба одной и единственной, как жизнь, как мать, твоей Родины, а и всего заветного, всего самого светлого для тебя на этой единственной земле. И уж как нельзя лучше можно понять тех солдат, которые именем его известнейшей во всем мире песни называли самое грозное оружие минувшей великой войны — «Катюша». «Катюша» — тихая и задушевная песня — и современнейший тогда реактивный миномет, последнее слово грозной военной техники. Вот уж и вправду по Маяковскому выходит: «И песня, и стих — это бомба и знамя».

Хочется мне сказать и о другой его поистине всенародной песне. Она появилась в конце войны как обычное стихотворение, очень исаковское по характеру своему. И нелегко себе проложило дорогу к читателю. Критика встретила его, как ни одно другое, настороженно, даже неприязненно: победа, а тут — скорбь, трагедия. Да, для очень многих победа была одновременно и трагедией. В небе салют, а за праздничным столом — зияющая пустота. Я имею в виду вершину лирического творчества поэта М. Исаковского, его стихотворение, ставшее потом песней, — «Враги сожгли родную хату».

Все тут до конца, все, что сказано, поистине всенародно — вот почему так потрясает каждого, кто не очерствел безнадежно. И разве была бы так велика и так бесмертна победа, если бы она не покоилась на таком незыблемо вечном фундаменте вложенных в нее жертв?

В лирике Исаковского, как и в песне этой, как бы сосредоточилось все то, что собирал он всю жизнь, что наиболее близко его сердцу: крестьянин — он же солдат. Если кто знает судьбу и биографию поэта, тот помнит, что он и начал с этого. Первое его напечатанное стихотворение было о солдате-крестьянине. Но какая же сила нужна была, чтобы вознести на такую духовную высоту все того же героя, прошедшего уже и революцию, и гражданскую войну, о которой тоже так проникновенно сказал поэт в песне: «Дан призыв ему на запад...»

Даже неискушенный читатель не мог не обратить внимания на то, что песни Михаила Исаковского — это, помимо всего, и настоящие стихи. Которые не только петь приятно, а и читать легко и не менее увлекательно, интересно. И впрямь, что бы ни вспомнил — стихи, настоящие, без изысканий, которые часто и необходимы песне, как припев или запев, как просто повторы, для напевности, самого песенного принципа, наконец, складности, как говорят люди. Читаем «И кто его знает...» — улыбаемся, читаем «Снова замерло все до рассвета» — вздыхаем вместе с незадачливым, милым, влюбленным гармонистом... И так во всех его песнях. Они не только несут заряд чувств, переживаний, но заряд возвышающий, потому что даже в грусти у него всегда есть та простонародная основа, что и закат рассветом брезжится. А не в этом ли та нравственная основа прочности нашего будущего?

Немало пережил и переборол супротивного, даже враждебного всему новому поэт и при Советской власти, но он действовал во имя ее. И это

вдохновляло его, воодушевляло. Непроста же в творчестве поэта, особенно раннем, такое большое место занимает фельетон, этот черный хлеб газеты. Сатира Исаковского очень своеобразна. Его стихи с сатирическим уклоном, и самые злые, уж никак не злобные. Это не значит, что они незлобны. Они непримиримы. Но чаще всего в них чувствуется добрый, близкий чеховскому по деликатности, даже щепетильности, юмор, отчего гнев как бы просвечивает сквозь улыбку, становится тем самым еще более сильным по воздействию на совесть. Не сомневаюсь, что из этой ранней юмористической лирики Исаковского вышел и развился в самостоятельного поэта лауреат нынешнего года поэт Сергей Смирнов. Который сам в свою очередь, породил целую «смирновскую» школу среди сегодняшних сатириков и юмористов. Но Исаковскому многим обязаны и другие лучшие наши поэты. Александр Твардовский, например, говорит о нем, как о своем первоначальном учителе, с глубочайшим уважением и признательностью. И более поздние поэты испытывали на себе его благотворное влияние. Учителя у него трудно, простота его не проста. Но это верная, мудрая простота. И поэтому учиться у нее надежно. Верно.

Вернусь несколько назад — к первой московской книге поэта «Провода в соломе». Неуютно почувствовала себя эта книга, появившись на свет. Критика делала вид, что она не заслуживает внимания. Ее встретили, как незваную. Но ее заметил Горький и приветствовал радушно, по-русски, по-отцовски. А потом трудно, медленно, но верно набирал поэт свою высоту. Его песенность не могли не почувствовать музыкально одаренные люди. Лучшие наши композиторы потянулись к ней. И песни Исаковского, главное в его творчестве, звучали широко и привольно. Потекли по родной стране, переходили за ее пределы, стали близки и понятны всем людям доброй воли, борющимся за свое освобождение и независимость.

Но я сказал бы неполно, если бы не сказал о прозе Исаковского, о его критиче-

ских выступлениях. Проза его близка его песням, настолько она емкая, чистая по языку, проникновенная, написанная с той душевной деликатностью к человеку, с тем тактом и чуткостью, которые так присущи автору самому как человеку и с той же ответственностью за слово, за смысл, вложенный в него. Я имею в виду прежде всего его автобиографическую повесть «На ельнинской земле». Его же выступления в критике всегда необходимы, наиболее важные, самые نابольевшие. Таким мне представляется его недавнее выступление против массовой, ширпотребной, мелкотравчатой стихописной продукции. Такими представляются и другие его выступления. Многим начинающим он дал свое требовательное, доброе напутствие: Иван Шамов, Дмитрий Блинский. Это уже недавно. А прежде? А до того? И, наконец, переводы. Здесь он сделал, может, как никто, много. Особенно для Белоруссии. В его переводах звучал по-настоящему Аркадий Кулешов, да и многие другие белорусские и украинские крупнейшие поэты. Он перевел народную белорусскую поэму «Тарас на Парнасе». Перевел для себя. И много лет не отдавал ее в печать, пока не стали настоятельно просить его об этом друзья.

Да разве расскажешь в небольшой газетной статье обо всем, что сделано этим неторопливым, очень требовательным к себе и вообще к поэзии, поистине народным русским поэтом, Михаилом Васильевичем Исаковским?

Хочется только, чтобы он меньше всего помнил о своих семидесяти, чтобы это было мерой мудрости, а не мерой возраста и чтобы ему еще долго, долго и молодого жилось и работалось. Сама его жизнь — песня. И пусть она никогда не перестает звучать над родной нашей Россией, над родиной всех, кто любит песню.

Дмитрий КОВАЛЕВ.